

III. CERTAMEN BOROVSKIANUM

В. В. ЗЕЛЬЧЕНКО

CERTAMEN BOROVSKIANUM: КОНКУРС ЛАТИНСКИХ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕВОДОВ В 2005–2007 гг.

Переводить современных поэтов на древние языки начали еще гуманисты Ренессанса. В Европе Нового времени такие переводы вплоть до начала XX в. были составной частью школьного и университетского изучения латыни и греческого; бесчисленные переложения Шекспира ямбами, Мюссе гекзаметрами и Гёте дистихами исполнялись не только рафинированными знатоками, но и «перстами робких учениц».

В русской классической школе, даже в пору ее расцвета, эта традиция симптоматично не привилась. Формулируя цели изучения древних языков, отечественная педагогическая теория XIX — начала XX в. (а следом за нею и практика) с предсказуемостью маятника колебалась между «тренировкой ума» и «развитием вкуса», т. е. между формально-грамматическим и культурно-эстетическим аспектами. В то же время для сочинения стихов на латыни и греческом равно необходимы и то и другое — как активное владение тонкостями грамматики и фразеологии, так и художественный опыт, без которого эти вирши останутся безжизненными экзерсисами¹.

¹ Так, Альфред Тойнби, питомец Уинчестер-колледжа, годы спустя оценил многочасовые упражнения по художественному переводу и композиции на древних языках как далекие от жизни и бесплодные, но вслед за тем сделал знаменательную оговорку: «На жизненном пути человека бывают случаи, когда его чувства оказываются затронутыми так глубоко, что для полной разрядки и самовыражения их необходимо облечь в особые, единственно верные слова. Когда такое случается со мной, слова эти оказываются не моими родными английскими, а либо греческими, либо латинскими. Я отнюдь не поэт, когда я думаю и изъясняюсь по-английски; так что, если б я остался ограничен английским языком, я был бы нем. Мои чувства оказались бы закупорены, не находя выхода. А так они находят выход на древнегреческом и латыни, потому что на этих языках я немножко (очень немножко) поэт» (*Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи / пер. с англ. М. Ф. Носовой, Н. А. Кудашевой. М., 2003. С. 21*).

В результате отечественная традиция стихотворных переводов на классические языки много скромнее, чем английская, французская, немецкая, шведская или итальянская (версии стихов одного только Джакомо Леопарди были недавно изданы в Неаполе томом большого формата)². Однако если упоминания о полном переводе на латынь «Бориса Годунова» неким преподавателем одесской классической гимназии и являются, судя по всему, библиографическим фантомом³, то, к примеру, ода «Бог»⁴, «Умиравший гладиатор»⁵ и даже «Песня о буревестнике»⁶ благополучно существуют на языке Вергилия и Овидия, а из переложений Пушкина можно было бы составить маленький сборник⁷. Чуть более века назад два виртуоза — Ф. Е. Корш и его ученик Г. Э. Зенгер — создали, в первую очередь на пушкинском материале, классические образцы противоположных подходов к стихотворному переводу новой поэзии на древние языки: свободно-вдохновенного и лабораторно-исследовательского⁸. Когда история новолатинской поэзии в России, о которой мечтал

² *Leopardi G. Sul colle d'Antela: Canti ed altre poesie in traduzione latina e greca / Con introd. e a cura di E. Renna. Napoli, 2005* (параллельно был выпущен том переводов прозы Леопарди). Стихотворение «L'infinito» представлено в этом сборнике в 13 латинских вариантах!

³ Никаких следов этого издания, отмеченного в пушкинских библиографиях, нам обнаружить не удалось.

⁴ См.: *Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги / собр. и ред. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 573–582* (переводчик — Г. Черский, «брестский каноник и учитель при Виленской гимназии»).

⁵ *Цесюлевич Р. С. Carminum Russicorum versiones Latinae // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 499–500.*

⁶ *Ps-Dionysius Ictinus. Carmen de ave procellaria // Древний мир и мы. Вып. 3. СПб., 2003. С. 389–390.*

⁷ Помимо соотечественников, Пушкина переводили на классические языки Проспер Мериме (прозаическая латинская версия одной строфы «Анчара» в составе статьи «Alexandre Pouchkine», выполненная с целью дать французскому читателю представление об исключительном лаконизме оригинала; см.: Мериме — Пушкин / сост. З. И. Киринозе. М., 1987. С. 416, прим.) и оксфордский филолог-классик Сэвил Морис Боура, знаток и пропагандист русской поэзии («Птичка Божия...» греческими дистихами; см.: *Солопов А. И. Начала латинской стилистики. М., 2008. С. 100*).

⁸ *Korsch Th. ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Carmina partim sua, partim aliena in alterutram linguam a se conversa. Naunia, 1886; Зенгер Г. Э. Метрические переложения на латинский язык. СПб., 1904.*

П. Н. Берков⁹, будет-таки написана¹⁰, в ней должно найтись место таким занимательным сюжетам, как «Элегия к библиотеке» Стефана Яворского, заново переведенная «с латыни на латынь» по прозаическому русскому подстрочнику¹¹; как поэтико-филологический эксперимент уже упоминавшегося Корша, чей перевод элегии Пушкина «К мечтателю» выявил ее проперцианский образец¹²; как ехидная латинизация «простонародных» стихов Некрасова и Кольцова М. Л. Лозинским («У купца у Семипалова / Живут люди не говеючи» — «*Heptadactylus mercator / Servos semper nutrit carne*»)¹³, как призрак акростиha в державинской «грифельной оде», который будто бы чудом, без участия сознательной воли переводчицы, оказался воспроизведен в латинской версии Т. В. Васильевой¹⁴; и т. д. и т. п.

В мае 2005 г. кафедра классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета объявила конкурс стихотворных переводов на латынь — *Certamen Borovskianum*. Профессор кафедры, глубокий толкователь античных авторов Яков Маркович Боровский (1896–1994) получил мировую известность как новола-

⁹ Берков П. Н. Русские — новолатинские и греческие поэты XVII–XX вв. // *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. 1966/1967. Т. 18. Р. 14 suivv.

¹⁰ Кропотливое исследование Д. Л. Либуркина (*Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории. XVII — первая половина XVIII в. М., 2000*) дало нам ее первую главу и в то же время показало, какого труда потребует эта работа: значительная часть материала не только не собрана, но и не издана.

¹¹ См.: Берков П. Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России: К истории русско-английских связей в 1720-е годы // *Проблемы международных литературных связей*. Л., 1962. С. 7–10; Аверина Т. Б. С латыни на латынь: «Элегия к библиотеке» Стефана Яворского в обратном переводе Томаса Консетта // *Древний мир и мы*. Вып. 4. СПб., [2011].

¹² См.: Зельченко В. В. Об одном латинском переводе Ф. Е. Корша // *Discipuli magistro: К 80-летию Н. А. Федорова*. М., 2008. С. 438–447.

¹³ Мейлах М. Б. Неизданное стихотворение Анны Ахматовой // Ахматова А. А. Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография. Ann Arbor, 1977. С. 73–74; Переписка М. Л. Лозинского и А. А. Блока / публ., предисл. и комм. А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика // *Литературное обозрение*. 1986. № 7. С. 109.

¹⁴ Васильева Т. В. Об одной неумирающей традиции классического образования // *Традиция в истории культуры: Сб. статей к 85-летию А. Ф. Лосева*. М., 1978. С. 178. См. также: Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 132–133; Гаврилов А. К. Структурализм и анаграмма // *НЛЮ*. 1995. № 15. С. 94.

тинский поэт: не имея в этом искусстве соперников в России советской эпохи, он, по оценке П. Н. Беркова, едва ли не в одиночку «воскресил римскую музу среди наших снегов»¹⁵. Сам Боровский, впрочем, предпочитал переводам сочинение оригинальных стихотворений; однако он не только проявлял постоянный интерес к «старой гуманистической традиции» переложения новой поэзии на латынь, но и оставил в статье «О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык» (1972) полноценное руководство для будущих переводчиков — с разбором лучших образцов, критикой неудач и советами общего характера¹⁶.

Конкурсантам предлагалось перевести стихотворения «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» К. Н. Батюшкова и / или «Ропот» Е. А. Баратынского; стихотворный размер, а также хронологические и стилистические ориентиры переводов не оговаривались. В состав жюри вошли заведующий кафедрой проф. В. С. Дуров, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, председатель Санкт-Петербургского Античного кабинета А. К. Гаврилов и доцент философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета М. М. Позднев.

Благодаря информационной поддержке, любезно оказанной В. В. Файером, объявление о конкурсе появилось также на кафедрах классической филологии Московского государственного университета и Российского государственного гуманитарного университета, а кроме того, на сайте www.librarius.narod.ru, куда заглядывает, наверное, каждый пишущий по-русски антиковед. Когда отпущенный месячный срок истек, на конкурс были поданы одиннадцать переводов восьми участников: Александры Григорьевой (Москва), Аллы Звагольской (Петербург), Елены Иванюк (Тверь), Дениса Кейера (Петербург — Берлин), Дмитрия Литвинова (Москва), Михаила Серебрякова (Москва), Григория Шевакина (Москва) и Екатерины Шевцовой (Петербург). Академические ученые, преподаватели и студенты состязались на равных: работы поступили

¹⁵ Корпус латинских и древнегреческих стихотворений Я. М. Боровского, попытки собрать которые предпринимались учениками (в первую очередь А. К. Гавриловым) еще с 1980-х годов, теперь опубликован в составе изд.: *Боровский Я. М. Opera philologica*. СПб., 2009. С. 423–453.

¹⁶ Там же. С. 328–337.

на рассмотрение жюри без фамилий авторов, под условными латинскими девизами.

Первое место жюри единогласно присудило переводу Дениса Кейера — выпускника СПбГУ, в то время аспиранта Берлинского Свободного университета (ныне — преподавателя кафедры классической филологии, сотрудника СПб Института истории РАН и Античного кабинета)¹⁷. Второе место поделили переводы Дмитрия Литвинова, преподавателя кафедры древних языков РГГУ (его работа была отмечена А. К. Гавриловым и М. М. Поздневым), и Екатерины Шевцовой, тогда — студентки IV курса кафедры классической филологии СПбГУ, а теперь аспиранта Института лингвистических исследований РАН и учителя Санкт-Петербургской классической гимназии (этот перевод выделили В. С. Дуров и М. М. Позднев). Наградой лауреатам стали книги с подобающими случаю надписями, но в первую очередь, разумеется, κλέος ἄφθιτον.

Батюшков и Баратынский были выбраны для конкурса не случайно. Перевести русское (английское, немецкое, французское и т. п.) стихотворение на латынь значит задним числом вписать его в историю римской поэзии; уже сам выбор метра, не говоря о лексике и синтаксисе, задает читателю стилистический ориентир на огромном, но все же строго очерченном пространстве от Плавта и Энния до средневековых христианских гимнов и лирики вагантов. Не всякий оригинал способен это выдержать: латинизация, к примеру, Андрея Белого или раннего Пастернака, Цветаевой или Хлебникова лишний раз продемонстрирует несходство классической и модернистской поэтик и в лучшем случае окажется ученой шуткой, обыгрывающей мощный культурный диссонанс (ср. упомянутых выше «купца Семипалова» или «Песню о буреизвестнике») — труд переводчика будет если и не сизифовым, то во всяком случае прокрустовым. Иное дело русская поэзия XVIII–XIX вв., через череду посредников опирающаяся на античные образцы либо отталкивающаяся от них. Здесь латинский (древнегреческий) перевод в известной мере означает возведение к прообразу; в случае удачи столкновение двух поэтических традиций способно уточнить

¹⁷ За прошедшие пять лет его латинские переложения русских стихов были опубликованы в двух подборках; см.: *Discipuli magistro*. С. 511–512; Абарис. 2008. Вып. 9. С. 39.

и углубить наши представления об обеих. Именно это, на наш взгляд, случилось с «Ропотом» Баратынского — великолепной стилизацией антологической эпиграммы:

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

Приведем удостоенный лавров перевод Дениса Кейера:

Undique cur volitans, aestatis pestis amoenae,
nunc os nunc digitos, musca molesta, meos
vexas? Unde tibi, qua rumpis inulta puellae
amplexus avidos Pegasidumve modos,
cuspis? Mollitiae Graiae modo mitis alumnus
iam Scythia letifero Marte frui propero.

Не только система образов и риторическое развитие мысли, но и намеренно-затрудненный синтаксис Баратынского с его enjambements и гипербатами (не всякий современный читатель с ходу сообразит, что «жадного смерти врага» означает «жаждущего убить врага») находит точное соответствие — а вернее, источник — в римском поэтическом языке «золотого века»¹⁸. Кстати об enjambements: работа Дениса Кейера показывает, что латинский стихотворный переводчик вовсе не обязан оставаться рабом, скованным набором школьных ограничений. Как известно, элегический канон, созданный Тибуллом и Овидием, предписывает завершать дистих сильной синтаксической паузой; двукратное (и вполне осознанное) нарушение этого правила, подчеркнутое силлабическим и интонационным параллелизмом, заслуживает, конечно, не осуждения из уст педанта-Мидаса, а аплодисментов.

В ином ключе исполнен перевод другого лауреата, Дмитрия Литвинова. Любители давно оценили его блестящие опыты «русифи-

¹⁸ Ср. параллельное исследование поэтического гипербата на русском и латинском материале: Ботвинник Н. М., Гладкий А. В. «Переплетение слов» в русской и латинской поэзии // «Слово — чистое веселье»: сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М., 2009. С. 299–309.

кации» Горация¹⁹; теперь пришел черед прописать Баратынскому, в качестве лекарства от меланхолии, задорный одиннадцатисложник с его катулловскими и марциаловскими коннотациями:

Aestatis vitium, odiosa musca,
quid circumvolitans mihi dolenti
fronte haeres digitisque? Quis deorum
donavit tibi cuspidem potentem
alatae premere impetumve mentis
longorum seriemve basiorum?
At prudens placidusque somniator
per te, musca, ego mutor in cruentum
Parthum mortiferum omnibus volucrum!

Прославленные стихи Батюшкова о затонувших Байях связаны с древним Римом не только поэтической фразеологией, но и содержанием; по сути, русский тибуллианец написал эпитафию римской античности:

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.

Разрушительная работа всепоглощающего времени — тема, прочно связанная с именем Горация; неудивительно, что переводчики облекли оригинал в сапфические и асклепиадовы строфы. Версия лауреата конкурса Екатерины Шевцовой:

Caecus, o Baiae, cito vos reliquit
somnia abscedens oriente luce;
non Eos vobis referet beatam
frigida vitam.

Templa vix reddet miserans opaca,
quae frequentabat Charitum chorea,
et freto tollet tacito sacella
condita numquam.

¹⁹ К сожалению, в «бумажной» печати пока опубликована лишь малая их часть (Discipuli magistro. С. 521–522).

Перевод Александры Григорьевой, преподавателя кафедры византистики МГУ, известного специалиста по античной гастрономической и кулинарной традиции:

Baiae, vos revocat Lucifer a gravi
torpore et tenebris tristibus at novus
Eous minime praeteritum semel
splendorem rubor adhibet.
Antrorum cupidis frigus amabile
ludendi abierat cum Charitum choris.
Unda ex caerulea est iam redituraque
numquam porticus aurea.

В следующем, 2006 г. на конкурс были вынесены стихи А. С. Пушкина и В. Ф. Ходасевича. Теперь в состязании приняли участие лишь пять соискателей — к уже упомянутым Алле Звагольской (переведшей оба стихотворения), Екатерине Шевцовой и Денису Кейеру добавились москвич Михаил Шумилин (в ту пору студент IV курса отделения античной филологии Института восточных культур и античности РГГУ) и прошлогодний член жюри петербуржец Михаил Позднев — один из лучших у нас знатоков и практиков латинской композиции²⁰, чьи стихи на обоих древних языках знакомы его друзьям и коллегам со студенческих лет.

В жюри конкурса 2006 г. вошли заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ проф. В. С. Дуров, заведующий кафедрой классической филологии МГУ проф. А. И. Солопов, доцент кафедры классической филологии СПбГУ О. В. Бударagina и ведущий научный сотрудник библиотеки МГУ А. И. Любжин.

На этот раз определить победителя оказалось гораздо труднее: все четыре члена жюри отдали первое место разным переводам, так или иначе отмечена была каждая из шести работ. Таким образом, звание лауреатов конкурса заслужили все участники, а по дополнительным показателям победителями Certamen Borovskianum 2006 г. были объявлены Михаил Позднев и студентка IV курса кафедры классической филологии СПбГУ Алла Звагольская.

В переводах пушкинского восьмистишия «Город пышный, город бедный...» прослеживаются три различные стратегии. Так,

²⁰ См.: Позднев М. М. *Palaestra Latina*. СПб., 2008.

Алла Звагольская и Денис Кейер избрали ориентиром гораціанскую (в жанровом, а не индивидуальном смысле) оду: в первой из этих версий, на наш взгляд, оказалась эффективнее выделена риторическая симметрия начальных антитез, подчеркнутая бессоюзием и жестким совпадением строки с синтагмой, во второй — заключительная лирическая нота.

Алла Звагольская:

Haec urbs locuples atque inopissima,
submissa collo, magnifica statu,
tegmen poli pallens colore,
saxa geluque animique languor –
at vos relinquens sum leviter miser,
quod interim pes parvulus ambulat
hic et meae crines puellae
flaminibus crocei vibrantur.

Денис Кейер:

Aedes beatas inter et indigas
iam non morabor: sub Iove pallido
innixa linquantur superbis
mox iuga servitii columnis.
Languore torpens urbs igitur vale,
quam frigus atque strata premit silex,
unius ob flavam puellae
cara comam teretesque suras.

Михаил Позднев, верный своим переводческим принципам, переложил «Город пышный...» рифмованными силлабо-тоническими хорейми (иначе говоря, размером подлинника), и тем самым соотнес его — неожиданно, но и убедительно — с поэзией вагантов, благо мотив расставания с родным городом (будь то для учебы «на французской стороне» или по причинам более драматичным) отложился в «Carmina Burana»:

Urbs, quae splendet, urbs, quae eget,
servae mos, reginae os,
quod palustre caelum tegit –
frigent saxa; taedet nos.

Taedet horum, verum aequè
placent usque loca, quae
suavis pulsat pes comaeque
ubi crispant aureae.

Наконец, Михаил Шумилин предложил опыт в несколько ином, но тоже почтенном жанре — парафразы-интерпретации. Так Феофан Прокопович на собственном примере из Катуллы рекомендовал студентам шлифовать навыки латинской стихотворной композиции, перелагая строки античных авторов другими размерами и более пространно²¹: у поэта это выработает гибкость и свободу выражать одно и то же разными способами, а у оратора — то достоинство, которое у римлян называлось *sopria dicendi*. Впрочем, конкурсант не удовлетворился узкими рамками школьного упражнения: в изящном сопроводительном латинском письме он пояснял, что отнес свои стихи не к Петербургу, а к Москве и не столько перевел Пушкина, сколько отвечал ему:

Urbs, quae deliciis multis totum adlicis orbem,
dira pauperie quae ureris, urbs meretrix,
libertate tumens in carcere, candida pestis,
dulcia amoenaque tu taedia sollicitas.
Sed tamen interdum miseret tui, imago superba:
crudelis lapides vidi ego, vidi etenim
quadriviis tacitis lacrimas dare sub pede parva,
dum lucens flava saeva puella coma
subridet leviter, tua pallida moenia lustrans.
O utinam nunquam nossem ego te, oppidulum.

Стихотворение В. Ф. Ходасевича «Молитва» («Все земные страсти, все тревоги...») входит в цикл «Мыши». Бездонная кладовая античных тем и образов и здесь дает прототип: мотив обращения нищего поэта к мышам, восходящий к Леониду Тарентскому (AP VI, 302), прослеживается в новой поэзии вплоть до незадолго забытого ныне Дмитрия Кедрина (1907–1945) с его «Мышонком». Ходасевич, однако, выходит за пределы «антологического рода»: в сложной мифологии сборника «Счастливый домик» мыши вырастают до своего рода домовых-ларов, охраняющих не только

²¹ См.: Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 246.

жилище, но и мир поэта от распада и хаоса. Возникшие у Екатерины Шевцовой гораццианские ассоциации едва ли не подразумевались самим автором: к теме скромного приношения ср. в первую очередь *Hor. Carm. III, 23*, где, между прочим, есть и «маленькие боги» (*parvos coronantem... deos*, стт. 15–16; замечательно, что обе переводчицы, осознанно или нет, воспроизвели это сочетание, не соблазнившись клишированным *di minores!*). Отметим, что и у Аллы Звагольской, и у Екатерины Шевцовой финальное «счастье» лирического героя не похоже ни на нирвану, ни на наркоз: глубоко двойственная концовка стихов Ходасевича оказалась затушевана. Дело здесь, как представляется, не только в том, что «антикизирующий» перевод не выдержал бы анахроничной метафоры медицинского укола; в латинских стихах трудный оптимизм венузинского поэта исподволь и словно бы сам собой возобладал над трагическим жизнеощущением младшего символиста.

Все бывшие страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.
Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

Екатерина Шевцова:

*Mortalem ex animo sollicitudinem
incertaque vices eiciam pius:
vos, di, vos ego parvus,
vos, parvi, venerans voco.
Quamvis dona mei sint mediocria
(quod mensa domini restitit integrum),
spinae pectora dulces
transfigunt mea gaudii.*

Алла Звагольская:

*Curas praeteritas nunc conde oblitus in aevum
omnes ardores angoresque. Alloquor orans
vos, o di parvi, praesentia numina nobis.*

Sumite de mensa micas has panis et offam
caseoli modico dono data — iam fugit angor
atque dolor; veluti cuspis cor gaudia figunt.

К сожалению, третье Саертмен, объявленное в 2007 г. («М. А. Максимовичу» Н. М. Языкова и «Ничего не понимают» В. В. Маяковского²²) не только оказалось последним, но и не было доведено до конца. Организаторы получили переводы (большей частью превосходные) от тех же Дениса Кейера, Екатерины Шевцовой и Аллы Звагольской — и, хотя конкурс принес одно новое имя (Сергея Кричицкого, преподавателя Минского государственного лингвистического университета), жюри не сочло возможным распределять награды в узком кругу уже дважды увенчанных лауреатов. Тем отраднее предоставившаяся теперь возможность познакомить читателя с эпиграмматической версией элегии Языкова, исполненной Денисом Кейером. Стихи Языкова построены на развернутой персонификации: Свобода предстает в образе хмельного виноградаря, пестующего поэзию. Как можно предположить, это уподобление оправдано латинским «языковым подтекстом», а именно известным каждому читателю римских поэтов эпитетом *Vakha Liber*. Стала ли эта лингвистическая ассоциация отчетливой в переводе — судить читателю:

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

²² Эти стихи, достойные превращения в плавтовский монолог или мениппею Варрона, уже однажды переводились на мертвый язык — старославянский; см.: *Шанир М. И.* Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Яковсона // Даугава. 1989. № 8. С. 65–79.

Libera sors aluit, nutricula mira, Lyaei
saepe rigans nostros munere versiculos
pulvereque immundo flatus iteravit odoros
purgans incerta germina fulta manu.
Nimirum huic fas est culturae solvere grates
pro vini plenis nos meritas acinis.

Неудача состязания 2007 г. не расхолодила организаторов: мы продолжаем вынашивать планы возрождения Certamen Borovskianum — может быть, в измененном формате (переводить русскую прозу по-своему не менее интересно, чем стихи). Ясно одно: переводы, появившиеся на свет благодаря конкурсу, заслужили публикации, а благородная гуманистическая игра ожидает новых поклонников и продолжателей.